

Места памяти, которые должен посетить каждый

Братская могила в д.Раховец. Новогрудского района, Гродненской области. Деревня размещена в 20 км от г. Новогрудка в 160 км от г. Минска. В настоящее время входит в состав Вселюбского сельисполкома

Деревня РАХОВЕЦ в годы Великой Отечественной войны относилась к Зеневичскому сельскому совету Любчанского района. В ней насчитывалось 62 двора.

Карательную операцию в деревне Раховец фашисты совершили в 1943 году. Они расправлялись с семьями тех, кто держал связь с партизанами. Это были семьи Николая Белуша и Константина Белуша, Червонного. Скурат Иосиф остался жив, забравшись на высокую липу, а семью его сожгли. Фашисты стояли, окружив дом, и стреляли из трёх пулеметов по крыше дома. Она сразу вспыхнула. Когда каратели уехали, вся деревня ходила смотреть на следы страшной расправы. Сожжено было 11 дворов и уничтожены 24 жителя деревни, включая младенца и подростков. После того приходили ещё неоднократно. Забирали скот, заставляли прислуживать им в Верескове, где располагался гарнизон. Также забирали молодёжь в Германию на работы. Окружили деревню, согнали людей в гумно, подогнали машину и отбирали тех, кто им подходил.

Из воспоминаний Белуша Николая Кирилловича

"Когда началась война мне было 8 лет. Мы слышали, как бомбили Новогрудок. Первая встреча с немцами состоялась в деревне. Двое немцев приехали на мотоцикле в деревню и приказали принести им масло. Но у простых людей его не было. Самым богатым считался Белуш Сергей Игнатович. К нему и направились "гости".

Хорошо помню такой эпизод. В деревне был собственный магазин, который с начала войны не работал. У людей не было запасов соли, сахара, спичек. Немцы открыли магазин, набрали спичек и начали разбрасывать коробки по улице. Жители бросились их собирать, а немцы фотографировать.

Старостой деревни тогда назначили Лебеда Станислава (он был старостой при Польше, а потом расстрелян партизанами).

Моя мать, Александра Александровна, была грамотной. Поэтому была избрана депутатом местного совета. Когда в деревню нагрянули немцы, то приказали собрать всех жителей, поставили перед ними депутатов, активистов и обратились к жителям: "Что они делали вам плохого, скажите? Мы их расстреляем!" Но односельчане молчали и мать отпустили.

Тот день, когда горела деревня, помню хорошо. Основная обязанность детей того времени-пасли коровы. У меня был старший брат Сергей. В основном этим занимался он. 19 июля (это было в воскресенье, неделю после праздника Петра), мать разбудила меня, чтобы я помог брату. Вместе с нами еще несколько мальчишек за деревней пасли коровы. Вдруг мы услышали стрельбу. Стреляли в деревне. Шешка Коля побежал посмотреть, что там случилось. Вернулся назад и говорит: "Деревня окружена немцами и горит". У нас помлели ноги. Мы бросили коров и по краю леса начали приближаться до деревни. Но попасть домой удалось только после того, как немцы поехали.

Первый вопрос был: "Уцелел ли наш дом?" К счастью, пожар нас миновал.

Потом мать рассказывала, что немцы налетели на 4 машинах. В то время она была в доме нашего родственника, Белуша Николая, который жил по соседски, а когда увидела фашистов, которые вместе со старостой направились к дому, убежала домой. Случилось страшное: вывели 6 человек, жильцов дома, и расстреляли. Забрали швейную машинку, сало, а дом подожгли. Огонь перекинулся на соседние здания. Сгорело еще несколько домов.

Расстрелян был и сын Белуша Николая со своей семьей.

Была расстреляна семья Скурата Иосифа. Сам чудом спасся. Когда увидел немцев, понял, что убежать не удастся, и залез на густую липу. На его глазах были расстреляны 3 дочери, жена. Дом сожгли. От рук фашистов погибла и семья Красного Владимира. Было расстреляно 24 человека, сгорела большая половина деревни."

Гродненская область, г. Новогрудок

Братская могила узников еврейского гетто, погибших в годы Великой Отечественной войны. Новогрудок, около улицы Минской, слева от дороги из г. Новогрудка в г. Минск.

Похоронены 250 узников Новогрудского еврейского гетто, расстрелянных немецко-фашистскими захватчиками 7 мая 1943 года

7 мая 1943 года по ул. Минской в яме, из которой до войны брали глину, были расстреляны 250 евреев из Новогрудского гетто, что находилась на территории бывшего воеводского суда по ул. Минской. По инициативе бывшего директора СПТУ – 193 Виктора Каненкова на месте расстрела был установлен памятник. В 1993 г. Джек Каган, бывший узник гетто на ул. Минской, у которого в этой могиле лежат мать и сестра, поставил новый памятник. Сейчас на нем написано, что немецко-фашистские захватчики и их пособники расстреляли здесь 250 евреев из Новогрудского гетто. В 2019г. в Новогрудке собрались более 100 гостей из зарубежья – дети и внуки евреев, оставшихся в живых благодаря еврейскому партизанскому отряду братьев Бельских, здесь был заложен камень с таблицей, на которой перечислены имена членов семьи Нелли Цаобер (Ажуховской). Они все погибли в Новогрудке во время Холокоста, большинство лежит в этой могиле. Нелли было два года, когда пришли немцы, началась оккупация. Одна из новогрудских семей прятала Нелли до окончания войны в одной из деревень, название которой она не помнит. В живых остались только ее отец и брат, которые убежали через туннель вместе с последними узниками гетто. Их имена сегодня находятся на Стене Памяти в Музее Еврейского Сопротивления. Дома, где Нелли жила до 1957 года, нет. На его месте сейчас растут березы. Они стали для Нелли символом родного дома.

Братская могила в д.Скридлево. Новогрудского района, Гродненской области. Деревня размещена в 2 км от г. Новогрудка в 150 км от г. Минска. В настоящее время входит в состав Кошелевского сельисполкома

Памятник на месте массового расстрела мирных жителей 8 декабря 1941 г. (по материалам ЧГК - 5 100 чел.) 350 м в лесу за и более 12 000 в период оккупации

Накануне войны в Новогрудке проживало около 6000 евреев. Город был оккупирован немецкими войсками 3 года — с 4 июля 1941 года по 8 июля 1944 года. Евреев сразу обязали нашить на верхнюю одежду латки в виде жёлтой шестиконечной звезды. Только за 8 декабря 1941 года (первый день массового расстрела) в Новогрудке погибло 2990 евреев.

Без каких-либо объяснений 6 декабря 1941 года евреям приказали явиться в здание воеводского суда. Несчастные томились в ожидании, не зная, какая участь их постигнет. Увидев группу людей с лопатами, поняли — это конец. На рассвете появился немецкий офицер. Так началась первая селекция.

Из воспоминаний очевидцев:

Семьи, которые подходили к немецкому офицеру — глава семьи отвечал на два вопроса: о профессии и сколько детей в семье. После ответа — зрительный контакт с немецким офицером, который, на самом деле, и определял судьбу. То есть не ответ на вопрос, а какое впечатление производили люди. И тогда взмахом руки определялась судьба. Тех, кого отправляли по лестнице вниз на улицу — их ждали грузовики, на которых возили к месту расстрела в Скрыдлево. А те, кто оставался в здании — примерно полторы тысячи — через три дня были переведены в гетто на Пересеке.

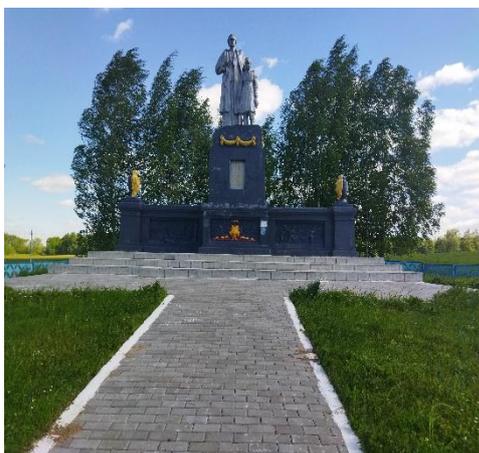
В первую очередь немцы расстреляли учителей, врачей, адвокатов, нотариусов. И они считали, что эти люди жить не должны, то есть

никакой пользы Рейху они не принесут. И оставили в живых только ремесленников.. Которые могли что-то сделать своими руками.

В 1966 г. на месте массовых расстрелов был установлен памятник в 1995 г. памятник заменён на новый по инициативе и на средства уроженца г. Новогрудка Джека Кагана (узника гетто), жившего в Лондоне. Текст на русском, иврите и английском языках.

Братская могила в д.Скридлево. Новогрудского района, Гродненской области. Деревня размещена в 2 км от г. Новогрудка в 150 км от г. Минска. В настоящее время входит в состав Кошелевского сельисполкома

Памятник на месте массового расстрела 6 000 мирных жителей д. Скрыдлево, Новогрудский район.

Похоронены мирные жители, расстрелянные немецко-фашистскими захватчиками в 1941-1944 годах

Гродненская область, г. Новогрудок. Могила Неизвестного солдата в г.Новогрудке

В этой могиле похоронен неизвестный советский солдат, погибший в бою против немецко-фашистских захватчиков в 1941 году. 8 июля 1969 году его останки были эксгумированы из могилы около д. Нёвда Новогрудского района и захоронены в данной могиле, над которой был зажжён Вечный Огонь Славы. Рядом установлена стела с надписью — посвящением. 4 ноября 1967 года в данном сквере в целях увековечения памяти о советских воинах, погибших в 1941 году в ходе оборонительных боёв и в 1944 году при освобождении Новогрудка от немецко-фашистских захватчиков, всех уроженцев Новогрудского района, погибших в годы Великой Отечественной войны, уроженцев других регионов, погибших в годы военного лихолетья на Новогрудской земле, установлен памятник — на фоне обелиска скульптура воина и партизанки со знаменем.

Новогрудский район, Гродненской области около д. Куровичи, слева от дороги из г. Новогрудка в г. п. Любча.

Установлен в 2003 году памятник в целях увековечения памяти о советских воинах, погибших в июне - июле 1941 года в Новогрудском “котле”. Вырезан из камня Ричардом Грушей по проекту художника Коптюка.

В честь проигранных сражений не принято ставить памятники. Но сотни тысяч солдат и офицеров, сгинувших под Новогрудком, достойны нашей памяти.

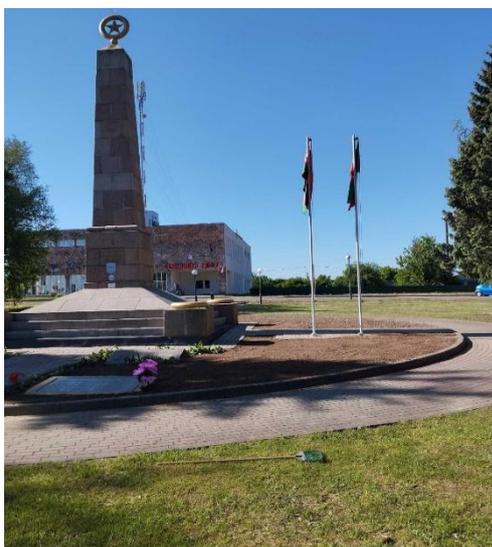
Трагические события происходили в первые дни войны под Новогрудком. Политотдел Западного фронта докладывал начальнику Главного политуправления РККА армейскому комиссару 1-го ранга Л. З. Мехлису: «Небоееспособной и невооруженной 27-й танковой дивизии было приказано занять оборону в районе Барановичей. На линию обороны вышло 3000 человек, а остальные, до 6000 человек, были сконцентрированы в лесу в 18 км от Барановичей, все 6000 бойцов не имели оружия... Дивизия натиска мехчастей противника не выдержала и начала отступать. Невооруженные толпы красноармейцев подвергались нападению со стороны мотомехчастей противника. В результате часть была уничтожена, а большая часть красноармейцев была рассеяна по лесу... Аналогичное положение было и в других механизированных и артсоединениях...». 27 июня продолжались бои у западных и северных окраин Минска. Обходящие «Линию Сталина» танки Гота достигли Борисова, но здесь их контратаковали советские войска. В схватке погиб командир немецкого 25-го танкового полка полковник К. Ротенбург - это был первый случай гибели командира немецкой воинской части на советско-германском фронте. Танки Гудериана спешили на помощь Готу. Его 17-я танковая дивизия в этот день заняла Столбцы и Негорелое, подошла к Фаниполю. А 3-я танковая дивизия, сумев переправиться через Случь, рванула к Бобруйску!

Утром сюда прибыл председатель Комитета обороны СССР Маршал советского Союза К. Е. Ворошилов. Здесь ему и маршалу Шапошникову продемонстрировали немецкую штабную карту, захваченную бойцами 64-й стрелковой дивизии во время налета на штаб корпуса 25 июня. И только теперь высшее руководство страны поняло, что главный удар немцы наносят не на Украине, **а здесь, в Беларуси!** 29 июня пал Минск. С северо-запада и с севера в город ворвались танки Гота. Командующий советской 13-й армией генерал Филатов приказал войскам, оборонявшим город, отходить к Волме. А с юга в белорусскую столицу вошла 17-я танковая дивизия из группы Гудериана. Кольцо окружения вокруг войск Западного фронта сомкнулось.

Кольцо (точнее – овал) получилось гигантским: оно протянулось более чем на 200 километров с юго-запада, от Волковыска, на северо-восток, к Минску. Сколько человек оказалось в этом кольце – до сих пор неизвестно. В Новогрудском котле погибли: штаб 10-й армии, штабы 1-го, 4-го, 5-го и 21-го стрелковых, 6-го, 11-го и 13-го механизированных и 6-го кавалерийского корпусов.. До сих пор неизвестны судьбы генерал-майоров В. И. Иванова, Г. П. Козлова, Ф. И. Буданова, А. В. Гарнова и бригадного комиссара С. И. Эйтигона и тысяч рядовых красноармейцев.

По данным штаба германской группы армий «Центр», к 8 июля 1941 года в плен было взято 287 тыс. человек, захвачено 2585 танков, 1449 орудий и минометов, 245 неповрежденных самолетов. Германские потери составили: около 7 тыс. человек убитыми, 21 тыс. – ранеными и 1126 пропавшими без вести. Такого соотношения потерь военная история еще не знала... О причинах катастрофы, постигшей войска Западного фронта в первые дни войны, написано немало. Но хочется сказать не о них. В честь проигранных сражений не принято ставить памятники. Но сотни тысяч солдат и офицеров, сгинувших под Новогрудком, достойны нашей памяти.

Гродненская область, Новогрудский район, Любчанский сельисполком, г.п.Любча. Братская могила советских воинов и партизан, погибших в годы Великой Отечественной войны

Похоронены 123 советских воина и партизана, погибшие в годы Великой Отечественной войны. Среди них: советские солдаты, погибшие в июне-июле 1941 г. в Новогрудском «котле», воины 69 стрелкового корпуса,

49 армии 2-го Белорусского фронта, погибшие 8 июля 1944 года при освобождении г.п. Любча, партизаны бригады имени Дзержинского, погибшие в 1943 году на территории бывшего Любчанского района и при освобождении г.п. Любча в июле 1944 года.

Имена 65 похороненных воинов и партизан известны, 58 - не известны.

Среди похороненных - командир партизанского отряда Михаил Чайковский, погибший 6 июля 1944 года. Родился в 1920 г.р на Украине. Жил до войны в Гродно, имел очень мирную специальность – механик-водитель поездов, в армии служил курсантом технической школы г. Гродно. С первых дней войны попал в окружение в так называемый «Новогрудский котел». Был ранен и жители деревни Брольники Новогрудского р-на прятали солдата. В мае 1942 г. вступил в партизанский отряд им. Г.И. Котовского, с конца 1942 года командир отряда. Приказом ЦШПД Чайковскому М.М. в январе 1944 г. было присвоено звание старший лейтенант. Погиб 22.03.1944 г. при партизанской атаке на вражеский гарнизон в деревне Лугомовичи Ивьевского района. Ещё при жизни он был награждён орденом Красного Знамени, а посмертно – орденом Отечественной войны I степени)

В 1959 году на могиле установлен обелиск.

З успамінаў Мікалая Грабёнкіна.

Камандаванне партызанскай брыгады імя Дзяржынскага Лідскага злучэння, маючы ў саставе пяць атрадаў, вырашыла правесці баявы рэйд на ліквідацый акупацыйных гарнізонаў у Вераскаве і райцэнтры Любча. Заданне на вызваленні гэтых паселішчаў намнога раней, чым да Любчы падыдуць савецкія войскі, было вызначана нам штабам партызанскага руху. Праз пасёлак праходзіў шлях з Мінска на Навагрудак, тут была неблагая пераправа і зручныя падыходы да яе. У тым выпадку, калі партызанскія атрады змаглі б заняць і ўтрымліваць райцэнтр, яны забяспечылі б хуткую пераправу праз Нёман войскам Чырвонай арміі. Калі б нам не ўдалося адбіць і ўтрымаць пасёлак, то тады немцы трымалі б выгядны рубеж абароны на высокім левым беразе Нёмана. Правы бераг быў нізінным і прастрэльваўся на вялікую адлегласць. У такім выпадку наступленне савецкіх войскаў на гэтым участку магло затрымацца.

Таму, у адпаведнасці з апэратыўна-тактычным планам штаба брыгады, на досвітку 2 ліпеня 1944 года партызаны пачалі набліжання ў трох напрамках спачатку да Вераскава. Прабіралася палявымі шляхамі група конных у колькасці 50 чалавек, на падводах ехалі артылерысты, мінамётчыкі, медыцынскі персанал. Астатнія рухаліся пешшу. Наблізіўшыся да Вераскава, партызаны з ходу атакавалі невялікі варожы гарнизон і ўзялі яго ў асаду. Большая частка наступаўшых рушыла далей у напрамку Любчы. На падыходзе да пасёлка падраздзяленні брыгады прынялі баявы парадак. Прааналізаваўшы ўдакладненыя разведданыя, камандзір брыгады К.Ф. Шашкін і начальнік штаба В.Х. Бляшаў паставілі канкрэтныя баявыя задачы камандзірам і начальнікам штабоў атрадаў. У дні, якія папярэднічалі баявому рэйду на райцэнтр, нашы разведчыкі і падпольшчыкі вялі сярод паліцэйскіх і ўласаўцаў з гэтага гарнізона значную агітацыйную работу. Было распаўсюджана шмат лістовак, звадак Саўінфармбюро аб

наступленні савецкіх войск. Варожая разведка паўсюдна натыкалася на конныя патрулі партызан і дакладвала аб тым, што пасёлак акружаны буйнымі сіламі. Таму многія паліцэйскія яшчэ з раніцы ўцякалі хто куды. Умелы ўдар партызан адразу вызначыў перавагу наступаўшых. Не вытрымаўшы раішчага націску, гарнізон ворага даволі хутка капітуляваў. У палон тады ўзялі каля сотні чалавек. 2 ліпеня райцэнтр Любча быў вызвалены сіламі партызанскіх падраздзяленняў. Дасталіся і трафеі: палкавы мінамёт, 9 станкавых і ручных кулямётаў, 234 вінтоўкі, аўтаматы, 60 тысяч патронаў, склады з харчаваннем. Камандаванне нашай брыгады рыхтавалася да ўтрымання пасёлка, да абароны яго сваімі сіламі. Чырвоная армія знаходзілася яшчэ даволі далёка і было невядома, як хутка яна наблізіцца. Акупанты і іх памагатыя не маглі змірыцца са стратай свайго гарнізона ў Любчы. На працягу чатырох дзён яны вялі канцэнтрацыю сіл і распрацоўвалі план, каб зноў авалодаць пасёлкам і пераправай праз Нёман. Апошняя была неабходнай на час адступлення з фронту часцей германскага вермахта. Завяршыўшы канцэнтрацыю, вораг меў буйныя сілы палка, так званых «казакаў» і адступаючых з фронту некалькіх рот нямецкіх салдат. Пры падтрымцы танкаў і артылерыі, яны пачалі рух да Любчы. Партызанскія разведчыкі атрымлівалі звесткі аб канцэнтрацыі гітлераўцаў каля Нягневіч. Раніцай 6 ліпеня 1944 года, акружыўшы Любчу паўколам, вораг пачаў наступленне на пазіцыі партызан. Камандзір групы разведкі Іван Малуха і яго таварышы Павел Курапата і Мікалай Сафронаў выявілі на падыходзе да вёскі Ачукевічы некалькі нямецкіх танкаў і бронемашын. Аб гэтым паведамілі ў штаб брыгады. Адразу былі прыняты меры па ўмацаванні абароны з укаванага напрамку. Райцэнтр Любчы з боку Сенна абараняўся партызанскім атрадам імя Жданава, з Ачукевіч – атрадам імя Варашылава, з Галыні – атрадам імя Дзяржынскага. Абарончы рубеж атрада імя Катоўскага праходзіў па сядзібе Войнава. У рэзерве штаба брыгады знаходзіўся партызанскі атрад імя Свядлова, які пасля першай атакі ворага быў вылучаны на рубеж паміж Ачукевічамі і Галынню.

Да камандзіра брыгада К.Ф. Шашкіна, які знаходзіўся на камандным пункце ля любчанскага касцёла, пад'ехалі на ўзмысленых конях разведчыкі з атрада імя Катоўскага. Гэта былі Альфонс Пятраш, Генадзь Гоцка і Іван Пыпараў. Яны далажылі, што вораг сканцэнтроўвае сілы ля вёскі Галынь. Відаць, разлічвае нанесці ўдар паміж атрадамі імя Катоўскага і Дзяржынскага, прарваць лінію абароны партызан і ўварвацца ў райцэнтр. Камандзір брыгады аддаў загад камандзіру нашага атрада Аляксандру Ляошка – сіламі двух рот нечаканай атакі з фланга ўдарыць па ворагу! Наступленне катоўцаў аказалася настолькі нечаканым і моцным, што прымусіла гітлераўцаў адкаціцца на зыходныя пазіцыі. На ўчастку абароны атрада імя Варашылава фашысты пачалі трэцюю атаку. Яны не ведалі, што ў гэтым напрамку былі сканцэнтраваны лепшыя сілы нашай брыгады. На будынку касцёла партызаны ўстанавілі кулямёт. Ненадалёку была гармата і супрацьтанкавае ружжо. Па лініі абароны ў патрэбных месцах паставілі мінамёты. Але запасаў снарадаў і мін хапала ненадоўга. У самы разгар бою камандзір атрада імя Варашылава Афанасій Гаўрыш з камандзірам роты Іванам Мешкавым кінуліся на ўчастак, дзе, здавалася, вось-вось будзе

прарвана лінія абароны. Справа дайшла да рукапашнай бойкі. Тут асабліва вызначылася аддзяленне, якім камандаваў Нікадзім Бушміч. Вораг не вытрымаў і адкаціўся назад. Затым на гэту лінію абароны выехалі некалькі нямецкіх танкаў. Агнём партызанскай гарматы і супрацьтанкавай стрэльбы быў падбіты і спалены першы з іх. Два наступныя зрабілі паварот для абходнага манеўру. Аднак абодва былі падбіты. Захліснулася і трэцяя атака гітлераўцаў. Шостую гадзіну ішоў жорсткі бой. Партызанскай брыгадай адбіты чацвёртая і пятая атакі праціўніка. Негледзячы на страты ў жывой сіле і тэхніцы, вораг насядаў на ўчастак абароны атрада імя Жданава. Ён імкнуўся прарваць абарону і вырвацца да пераправы праз Нёман. З боку Галыні вялікае падраздзяленне ворага пачало наступленне на абарончы рубезж катойцаў каля сядзібы Войнава. Цэнтральным участкам абароны, які праходзіў па мясцовым парку, кіраваў начальнік штаба атрада імя Катоўскага лейтэнант Канстанцін Думбасар. Камандны пункт знаходзіўся на правым флангу абароны на невялікім узвышшы. На камандным пункце размяціліся камандзір атрада Аляксандр Ляошка, камісар Мікіта Чанцоў і я, аўтар гэтых успамінаў. Але мне хутка загадалі ўзначаліць абарону левага фланга. Гэты ўчастак быў складаным, праходзіў па адкрытай мясцовасці, але меў зручны для ўкрыцця глыбокі прыдарожны кювет. Ад сярэдзіны парку і да драўлянай царквы абарону трымала рота лейтэнанта Канстанціна Антонава. На яе левым фланзе знаходзілася група маладых партызан. Сярод іх было каля 20 чалавек былых паліцэйскіх, якія добраахвотна перайшлі на наш бок. Некаторыя з іх не паспелі нават змяніць форму ворага. Не раз, будучы побач з імі ў момант бою, у мяне ўзнікалі думкі аб іх ненадзейнасці. Аднак яны трымаліся спакойна, дзейнічалі рашуча, спадзеючыся крывёю загладзіць сваю віну перад Радзімай.

Камандзір партызанскай роты лейтэнант Сяргей Іліца і разведчык сяржант Іван Стракалоўскі.

Вораг наблізіўся да лініі абароны катойцаў паўзком па жытнёвым полі. Наступіў крытычны момант. Па радах партызан была перададзена каманда:– Падрыхтавацца да атакі...Затым:– Устаць у атаку!А за гэтым паследавалі ўказанні для кожнай роты. У адзіным парыве ўзнялася рота лейтэнанта Сяргея Іліцы. Камандзір аддзялення Мікалай Яцук з гранатай у руцэ кінуўся на ворагаў. Камандзір другога аддзялення Васіль Прыгаршнеў у

ходзе атакі, вырваўшыся наперад, касіў ворагаў з ручнога кулямёта да таго часу, пакуль у дыску не засталася ніводнага патрона. Потым глушыў непрыяцеля прыкладам... Схватка была кароткай, вораг аказаўся адкінутым, але без страт не абышлося. Менавіта ў гэты момант загінуў камсамалец Мікалай Яцук. Вораг, перагрупаваўшы сілы, пад прыкрыццём танкаў і артылерыйскай страляніны распачаў новую атаку на ўсёй лініі абароны партызан – ад Любчанскага замка і да Войнава. З боку Сенна танкі, прарваўшы нашу абарону, накіраваліся ў цэнтр Любчы. Адзін з іх спыніўся ля пераправы праз Нёман, другі – на вуліцы ля царквы. Ворагі працягвалі страляць з пушак па будынках. Жыхары пасёлка яшчэ за некалькі дзён да пачатку бою эвакуіраваліся за Нёман, у пушчу. Нямецкія танкі і артылерыя маглі дашчэнтну зруйнаваць пасёлак. Гэтыя абставіны ўскладнялі абарончыя дзеянні партызан. Зыходзячы з гэтага, камандаванне брыгады прыняло рашэнне аб арганізаваным адыходзе. Праз некаторы час па вуліцы ў напрамку Войнава памчаліся тры коннікі. Гэта былі разведчык-катовец Леанід Бахар, намеснік камісара брыгады Міхаіл Макулік і сакратар Баранавіцкага падпольнага абкама камсамола, які знаходзіўся ў той час у брыгадзе, Філат Башкінцаў. Яны перадалі у атрады загад камандзіра брыгады аб адыходзе ў напрамку Дзяляціч. Партызанская брыгада адышла на перафарміраванне, каб на наступны дзень зноў з боем увайсці ў райцэнтр. Вечарам таго ж дня з боку Мінска пачулася раскацістая артылерыйская кананада. Яна напамніла гітлераўцам, што блізкі час пакарання. У баі за райцэнтр вораг панёс вялікія страты – звыш 300 чалавек. У іх ліку былі таксама і захопленыя партызанамі палонныя.

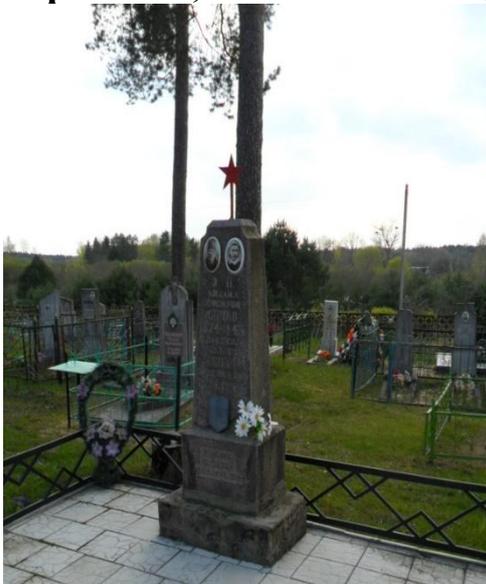

Сустрэча партызан-катоўцаў у Навагрудку з нагоды гадавіны вызвалення Беларусі ў 1984 г.

Раніцай 8 ліпеня 1944 года байцы партызанскай брыгады пры падтрымцы воінаў 69-га стралковага корпуса 49-й арміі, атакаваўшы акупантаў, канчаткова вызвалілі Любчу. Нямала байцоў страціла брыгада імя Дзяржынскага падчас гэтых баёў. З ліку партызан толькі нашага атрада імя Катоўскага загінулі смерцю храбрых Мікалай Анікейчык, Адольф Барысевіч, Аляксандр Дзяргач, Міхаіл Богуш, Вікенцій Несцяровіч... Страты людзей у іншых атрадах мне не былі вядомы. Гэтым боем партызанская брыгада імя Дзяржынскага Лідскага злучэння завяршыла свой баявы шлях і

на працягу некалькіх тыдняў яна была расфарміравана. У асноўным яе асабовы састаў напоўніў рады дзеючай арміі.

**Гродзенская область, Новогрудский район,
Любчанский сельский совет, д.Черешля.Индивидуальная могила
партизана, погибшего в годы Великой Отечественной войны .**

Рядом с Любчанской средней школой стоит бюст-памятник комсомолке, подпольщице, партизанке Людмиле Сечко, погибшей 22 марта 1944 года в неравном бою с фашистами. В этой школе она училась. В музейной экспозиции хранится холщовая сорочка Люси, пробитая пулей в том последнем бою Людмила Сечко родилась в 1924 году в деревне Черешля недалеко от Любчи. Весной 1942 года комсомолка организовала и возглавила подпольную молодежную организацию в родной деревне.

Люся Сечко

Тогда для конспирации товарищи и называли ее Ласточкой. Подпольщики поддерживали тесную связь с партизанами, передавая им сведения о действиях оккупантов, продукты, распространяли листовки.

В 1943 году Люся стала партизанкой отряда имени Котовского партизанской бригады имени Дзержинского. Во время разгрома вражеского гарнизона в Ивьевском районе она заменила погибшего командира и сама была смертельно ранена.

В Любче жила родная сестра Люси, педагог Ада Павловна Крапивина в годы войны была еще подростком, но тоже помогала партизанам. Юная связная сообщала им о приближении немцев, передавала пакеты по поручению своих родителей. О сестре Люсе всю жизнь хранила светлую память, рассказывая ученикам, своим дочерям, внукам, правнукам о подвиге партизанки. Из воспоминаний Ады Павловны Крапивиной:

– Люся хорошо пела, играла на гитаре, сочиняла стихи. Она была мужественной, смелой девушкой. В числе других молодых односельчан фашисты отправили ее в Германию. Но вскоре Люся неожиданно для всех нас вернулась домой. Оказывается, она спрыгнула с поезда на полном ходу и пешком лесными дорогами добралась к родителям. Мама наспех собрала ей узелок с самым необходимым и отправила в партизанский отряд. Люся умела держать оружие, метко стреляла. Она ходила на задания, участвовала в боях наравне с мужчинами. В операции по уничтожению вражеского гарнизона на территории Ивьевского района погиб командир. И тогда Люся повела отряд в бой. Но и ее подкосила вражеская пуля. Горе пришло в наш дом в марте 44-го. Мы узнали, что погибшая сестра почти четверо суток лежала в лесу. Фашисты хотели распять и тело, привязав его к столбу, и показывать для устрашения. Но партизаны не допустили этого. По словам Ады Павловны, Люся была романтической, мечтательной девушкой. Она искренне любила своего парня – партизана Виктора. После войны они мечтали пожениться, но погибли почти в один день. Обелиск отважной партизанке, посмертно награжденной орденом Отечественной войны I степени, установлен на могиле в деревне Черешля. Ее именем названа улица в городе Новогрудке.

Место гибели в лесу рядом с д.Скридлево. Новогрудского района, Гродненской области. Деревня размещена в 2 км от г. Новогрудка в 150 км от г. Минска. В настоящее время входит в состав Кошелевского сельисполкома.

Место упокоения Фарный косел г. Новогрудок 11 сестер назаретанок, мучениц из Новогрудка.

Одиннадцать сестер назаретанок из Новогрудка отдали свои жизни ради спасения более сотни не знакомых им людей, арестованных фашистами. Сейчас известны всему миру слова, произнесенные сестрами: «Мой Боже, если нужна жертва жизни, пусть лучше нас расстреляют, чем тех, у кого есть семьи». 1 августа 1943 года сестер назаретанок расстреляли в лесу под Новогрудком. А 19 марта 1945 года тела мучениц были перенесены и похоронены при храме Преображения Господня. Печальную процессию из одиннадцати запряженных в сани подвод, которые перевозили останки сестер, провожала их единственная оставшаяся в живых сестра Малгожата. Они были объявлены блаженными в юбилейном для католичества 2000 году. Монахини Конгрегации сестер Святейшей Семьи из Назарета до войны жили в монастыре при костеле. В Новогрудок сестры назаретанки приехали 4 сентября 1929 года по приглашению бискупа Зигмунта Лозинского, чтобы ухаживать за костелом Преображения Господня и заниматься воспитанием детей и молодежи. В Новогрудке они основали общеобразовательную школу. Сестры заботились об обездоленных детях, помогали малоимущим. С приходом фашистов они остались без крыши над головой – в монастыре разместились солдаты. Но сестры продолжали помогать людям. Летом 1943 года обозленные на партизан гитлеровские оккупанты решили выместить гнев на мирных жителях Новогрудка. В один из дней было арестовано более 120 человек, в основном отцы семейств. Ходили упорные слухи, что домой живыми они не вернуться. Родственники арестованных шли за утешением в костел. В стенах храма монахини приняли нелегкое решение. Настоятельница сестра Стелла Мардасевич в присутствии капеллана Александра Зенкевича сказала: «Мой Боже, если нужна жертва жизни, пусть лучше нас расстреляют, чем тех, у кого есть семьи – молимся даже за это». 31 июля 1943 года сестры получили приказ явиться вечером в комиссариат. В хабитах, а ходить в монашеском одеянии тогда не разрешалось, они пошли в гестапо. Сестры знали, что идут насмерть. Одиннадцать сестер расстреляли на рассвете в лесу за городом. Когда сестры погибли, заложников выпустили.

В день расстрела одна из сестер Малгожата Банась несла послушание в больнице. Узнав о жертве сестер, она нашла место их казни и была до самой своей смерти хранительницей их могилы, а также костела. В 1991 году останки сестер были перезахоронены в саркофаг в каплице Фарного костела.

5 марта 2000 года сестры были беатифицированы Иоанном Павлом II. На площади Святого Петра Папа Римский объявил сестер назаретанок блаженными. Папа назвал их покровительницами семей. Их имена: Стелла, Имельда, Раймунда, Даниела, Канута, Гвидона, Сергия, Канизия, Фелицита, Гелиодора, Боромея.

19 марта 1945 года, когда проводилась эксгумация сестер-мучениц, сестра Сперанса Бартновская записала: «Наиболее поражала поза сестры Кануты. Скорее всего, она была только ранена, так присела на корточки в углу могилы и застыла со сплетенными руками на коленях, склонив голову к земле, как будто задумалась, как будто в благословении...»

Новогрудский район, д.Отминово, в 25 км. от районного центра и 147км. от областного центра г. Минска. Братская могила жертв войны.

Похоронена семья партизана отряда «Орёл» Лаптева К.С, который 19 декабря 1943 года погиб в бою с карателями. Ранее 17 декабря каратели окружили и сожгли деревню, расстреляли всю его семью: мать, отца, шести и четырёхлетних сестёр, полуторалетнего брата.

Из воспоминаний Алеси Жинко:

– 17 декабря 1943 года был сильный мороз. В 4 часа утра в деревне появилась зондеркоманда и стала жечь деревню. Немцы и полицаи выгоняли людей из домов и разделяли: мужчин, у которых были лошади и подводы, – отдельно, женщин и детей – отдельно. Женщин, в том числе и меня с тремя маленькими детьми (старшему на тот момент было 5 лет), погнали в конец деревни к огромному сараю. Все уже слышали, что немцы жгут людей, и были очень напуганы: плакали, кричали, падали на колени, умоляли не убивать. Мы были уверены, что нас сожгут живьем. За себя страха не было, было страшно за детей. В сарае нас продержали до вечера и... отпустили. Что стало причиной нашего спасения, мы так и не узнали. А деревня горела до обеда следующего дня. Из 130 домов невредимыми остались два. Дым, гарь и торчащие «коміны». Куда деваться людям? Невозможно было даже вырыть землянку – земля была промерзлой. Все наши люди, а 130 дворов – это около 700 человек – остались без крова, разбрелись по соседним деревням. Зиму провели у родственников, а потом копали землянки и жили так, пока не закончилась война.

В этот же день фашисты и полицаи Сымоник расстреляли семью Лаптевых за помощь партизанам. Еще в 1942 году старший сын Лаптевых Константин ушел в партизаны, был разведчиком в партизанском отряде, часто навещался в дом родителей. Степан Лаптев не скрывал гордости за сына. Ворвавшись к Лаптевым, каратели застрелили хозяина, штыками закололи его супругу, шестилетнюю Варю, четырехлетнюю Иру и подожгли хату. Полуторогодовалый Витя сгорел заживо. А 11-летний Аркадий, спрятавшись под печкой, успел выскочить из подожженной хаты. Они стреляли вслед ребенку, но Бог его уберег. Уцелел и Леня, который в момент расправы был у соседей.

На следующий день люди разгребли завалы и похоронили семью партизана в центре деревни (на этом месте стоит обелиск. – Прим. автора). Мальчи́ков-сирот опекали всем миром – сельчане, партизаны. После войны уже взрослый

Аркадий жил в Минске, до последних дней приезжал на Новогрудчину в родную деревню, в школу и вспоминал те ужасы, которые пережил 11-летним ребенком. А Константин Лаптев погиб в партизанском отряде. Сегодня в Отминово живет одна из немногих свидетелей уничтожения деревни – **Валентина Ивановна Самускевич**, ей 94 года. Во время огненной трагедии ей мама приказала убежать из дома, и она со своей ровесницей прятались в лесу под деревьями двое суток. Вот что запечатлела детская память:

– Мы вернулись в деревню, окутанную черным дымом. Людей нет, на месте наших хат – торчащие «коміны», а на деревьях – ничейные куры. Я не знала, живы ли моя мама, отец, хотелось схватить курицу и согреть. Такая же участь в тот день постигла соседние деревни Детомля, Молочки, близлежащие хутора. Это были лесные партизанские приеманские деревни, сельчане поддерживали партизан, кормили их и укрывали. Очевидно, что немцы совместно с полицаями провели образцово-показательную акцию в назидание соседям.

На северо-запад от г. Новогрудка, справа от дороги на д. Вселюб. Братская могила узников еврейского гетто, погибших в годы Великой Отечественной войны

Похоронены около 4000 узников Новогрудского еврейского гетто, расстрелянных немецко-фашистскими захватчиками 7 августа 1942 года.

Немцы захватили город 4 июля 1941 года и уже 26 июля показали свое отношение к евреям, устроив показательный расстрел на городской площади: выгнали на улицу сто человек и без объяснения причины расстреляли каждого второго. Убитых похоронили на городском кладбище. После этого 26 сентября на улицах города появился приказ об ограничении прав евреев. В Новогрудке установился новый оккупационный порядок – зверский, непонятный мирным людям. – Началась настоящая травля евреев, их полная изоляция, – рассказывает историк-краевед, начальник отдела идеологической работы Новогрудского райисполкома Наталия Жишко. – Им запретили ездить в другие города, ходить по тротуарам, показываться на улицах без специального разрешения, контактировать с другими людьми и обязали пришить на одежду желтые метки – латы размером 10x10 сантиметров для идентификации и на случай побега. За малейшее нарушение – смерть. 8 декабря 1941 года в здании воеводского суда немцы собрали всех евреев – около шести тысяч человек. Несчастные томились в ожидании, мерзли на морозе, не зная, какая участь их постигнет. Увидев группу людей с лопатами, поняли – это конец. На рассвете появился немецкий офицер.

– Семьи подходили к немецкому офицеру, глава семьи отвечал лишь на два вопроса: о профессии и сколько детей в семье, – рассказывает бывшая директор Новогрудского историко-краеведческого музея, свидетель по уголовному делу о геноциде белорусского народа Тамара Вершицкая. – После ответа – зрительный контакт с немецким офицером, который на самом деле и определял судьбу. То есть важен был не только ответ на вопрос, но и то, какое впечатление производили люди. И тогда взмахом руки определялась судьба. Тех, кого отправляли по лестнице вниз на улицу, ждали грузовики, на которых увозили к месту расстрела в Скрыdleво. А те, кто оставался в здании, – примерно полторы тысячи – через три дня были переведены в гетто на Пересеке. Территория гетто на Пересеке была огорожена деревянным забором и несколькими рядами колючей проволоки. По данным документально-исторической хроники «Памяць. Навагрудскі раён», там содержалось около восьми (по иным данным – пять) тысяч евреев, поскольку после приказа гебитскомиссара Трауба об очистке территории от евреев в гетто Новогрудка стали свозить евреев из Ивенца, Любчи, Дятлово. – Гетто представляло собой около пятидесяти жилых домов как евреев, так и жителей иных национальностей, куда переселили евреев, – рассказывает заместитель прокурора Новогрудского района Татьяна Волчек. – Оно было открытого типа, поскольку в марте 1942 года по приказу гебитскомиссара в Новогрудке создали еврейские мастерские, куда вывозили на работу узников под охраной. Труд евреев оккупанты

использовали для расчистки города от завалов, образовавшихся в результате бомбовых ударов. Любые нарушения правил гетто карались расстрелом. Летом 1942 года группа евреев из гетто совершила побег в лес, однако все беглецы погибли. Немецкие власти выплачивали вознаграждение местным жителям, которые выдавали сбежавших евреев. Были и те, кто спасал чужие жизни, рискуя собственными. Например, семья поляков Бобровских: муж, жена и их пятеро детей. Стоящий на отшибе в километре от Новогрудка домик Бобровских стал спасительным островком для многих евреев. Бежавшие из гетто узники по несколько дней и даже недель прятались у Бобровских, чтобы потом примкнуть к еврейскому партизанскому отряду братьев Бельских, действовавшему в лесах Налибокской пуши. В декабре 1942-го туда, спасаясь от предстоящего расстрела, прибежала Шифра Гаркави с двумя маленькими детьми. А вслед по доносу с обыском пришли полицаи. Еврейку вместе со старшей дочерью расстреляли, хозяев показательно проволокли привязанными к лошадиным хвостам до тюрьмы, где также расстреляли. Но младшая еврейская девочка осталась жива благодаря тому, что хозяйка дома выдала ее за собственную дочь. Хадашку определили в детский дом в Новогрудке. И она выжила под именем Галинка Бобровская, была удочерена, уехала в Израиль и сохранила эту историю человеческого мужества.

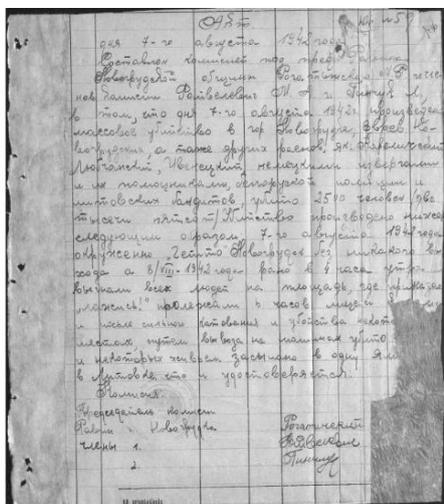

Выживший в гетто Идель (Джсек) Каган вспоминал: «Когда я бежал 21 декабря 1942 года, четырнадцать человек пришли в дом поляка Бобровского. Когда же повторил побег 26 сентября 1943 года, то дом Бобровских уже был сожжен, сама семья Бобровских, еврейка Шифра Гаркави и ее пятилетняя дочь, которые прятались в подвале Бобровских, погибли».

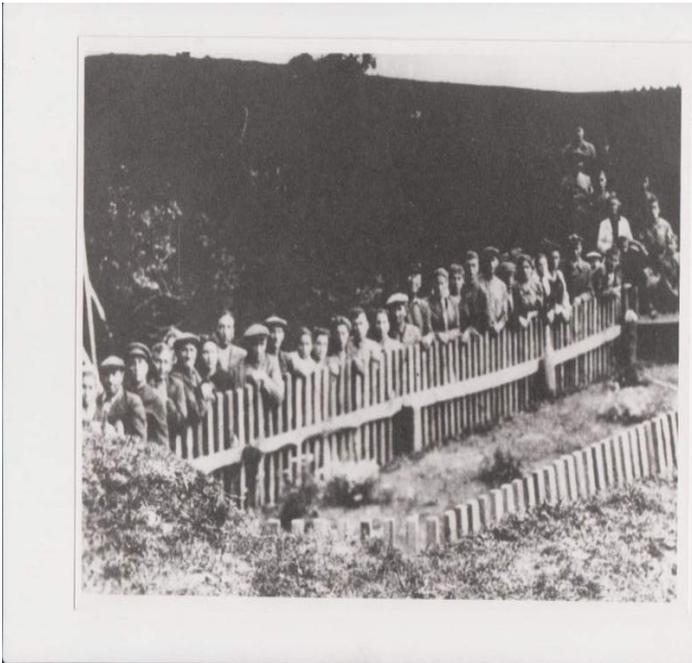
Дом расстрелянных супругов Бобровских за помощь евреям был сожжен, детей отправили в концлагерь. Один из сыновей там погиб, остальные выжили, но в Новогрудок вернулась лишь Мария. Благодаря свидетельствам Иделя (Джека) Кагана и выжившей еврейской девочки Хадашки (сейчас ее зовут Галина Стайнер) в 1997 году Мария в знак

признания самоотверженности и героизма ее родителей, а также Франтишек и Франтишка Бобровские посмертно получили звание Праведников народов мира. И таких семей Праведников в Новогрудке было одиннадцать. Место, где стоял дом Бобровских, увековечено: здесь установлен памятник семьям Праведников народов мира из Новогрудка в виде лебедя, защищающего своих птенцов. На мемориальной доске – имена Праведников и фраза из Талмуда: «Кто спасает одну жизнь, спасает весь мир».

К августу 1942 года гетто на Пересеке было перенаселено, продуктов питания на всех не хватало. Вероятно, поэтому в начале августа 1942-го немецкие оккупанты подготовили вторую зверскую акцию уничтожения евреев: 7 августа вблизи деревни Литовка расстреляли порядка четырех тысяч (!) мирных граждан. По данным чрезвычайной государственной комиссии, которая в 1945-м проводила расследование и фиксировала преступления, совершенные на оккупированных территориях, это число доходит до 4500, так как еще 500 человек были расстреляны там же 4 февраля 1943 года во время ликвидации гетто. Расстреливали из пулеметов и автоматов у огромных вырытых ям, предварительно заставив жертв раздеться. Кричали женщины, стонали раненые, плакали дети, а немцы жали на гашетку...

– В общей могиле были зарыты четыре тысячи зверски убитых евреев,
 – рассказывает краевед Тамара Верещицкая. – Юлия Липай, которая во время войны жила в деревне Сунчицы, видела расстрел, так как в этот день вместе с матерью и другими женщинами из деревни жала рожь в поле и потом каждый день пешком ходила в школу по дороге мимо этой могилы. Она вспоминала, что «кровь пробивалась из могилы, фонтаном и рекой текла по дороге»...

Из дневника Бини Берковича, напечатанного в книге Джека Кагана «Холокост и сопротивление на родине Адама Мицкевича»: «Солнце светит так же, как и в прошлом году, словно для того, чтобы показать, что с ним ничего не произошло, как будто чтобы сказать: «Я не виновно». Мысль тревожит мое сердце: тысячи детей убивают с ужасающей жестокостью под тем же солнцем, их крики доходят до неба, а солнце продолжает светить, как и раньше, с неизменной регулярностью...».

Вот что свидетельствовал в июле 1948 года о той ужасной казни ее участник Рудольф Мязорг, совершивший немало зверств на территории Беларуси в составе 36-го эстонского полицейского батальона:

«В августе 1942 г. погрузили весь 36-й полицейский батальон в Тарту в поезд и поехали в Белоруссию, где нас разгрузили в городе Новогрудок. В районе этого города наш батальон находился около одного месяца, главной нашей задачей было убийство евреев, которые находились в Новогрудке и окрестных деревнях. Да, я с солдатами и офицерами 36-го полицейского батальона принимал участие в расстреле евреев. До начала расстрела солдаты 36-го полицейского батальона, в том числе я, арестовали группу евреев. Часть арестованных евреев сажали на автомашины, часть вели пешком за город, где эти арестованные копали большие ямы – рвы длиной около 30–60 м, глубиной примерно в 1,5 м и примерно 2,5 м шириной. После того как рвы были готовы, расстреляли тех евреев, которые копали рвы. Лично сам я расстрелял 10 евреев. Затем стали к этим рвам подводить остальных евреев, по группам 20-30 человек сразу, среди них были женщины, дети...».